

100

ВЕЛИКИХ БОГОВ

100 великих (Вече)

Рудольф Баландин

100 великих богов

«ВЕЧЕ»

2007

ББК 63.3(2)

Баландин Р. К.

100 великих богов / Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ», 2007 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-9533-2349-9

Книга рассказывает о самых знаменитых из богов, которым поклонялись в прошлом, а отчасти поклоняются и теперь разные племена и народы. Знакомство с этими богами помогает нам лучше понять духовный мир не только людей давно ушедших веков, но и самих себя. Помимо ста великих, в книге упомянуто немало других богов, а также приведены разнообразные дополнительные сведения из истории культуры, что позволяет сопоставлять былые идеи с современными. Пристально взглядываясь в прошлое, мы начинаем лучше понимать настоящее.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-2349-9

© Баландин Р. К., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Сквозь магический кристалл...	6
Первые боги	8
Великий бог охоты	10
Первая богиня	14
Древний Египет	19
Нун	22
Нут	24
Гор (Хор)	27
Ра (Рэ)	30
Атон	34
Осирис (Усир)	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рудольф Баландин

100 великих богов

«Сто великих» ® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство Вече».

Согласно действующему законодательству, без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Баландин Р. К., 2007

© Издательский дом «Вече», 2007

Сквозь магический кристалл...

Представления о мире и о себе люди с незапамятных времен воплощали в образы богов и героев. Жизнь, характеры и деяния богов отражают реальность, но не зеркально, а как бы увиденную сквозь многогранный магический кристалл воображения, поэтических фантазий, философских размышлений.

Задача этой книги проста: познакомить читателя с наиболее знаменитыми из богов, которым в прошлом поклонялись, а отчасти поклоняются ныне разные племена и народы. Но решить такую простую задачу не так-то легко, как может показаться на первый взгляд.

Если собрать все мифы и легенды, которые сложены о богах, то получатся десятки увесистых томов, а число упоминаемых божеств перевалит за тысячу. И это лишь то, что уцелело, избежав забвения. Очень многое останется лишь упомянутым, названным, но не раскрытым и потребует домысливания. Веками исследователи собирают, обдумывают и сопоставляют сведения о богах прошлого и настоящего, но при этом редко удается вырабатывать убедительные и общепринятые мнения.

Вот почему и отбор великих богов, и их характеристики носят отчасти субъективный характер. Тем более что мы всматриваемся в прошлое тоже сквозь магический кристалл собственной личности, и не следует выдавать то, что видится, понимается и домысливается за объективную реальность.

Образы богов нередко причудливо меняются со временем или в зависимости от авторского произвола конкретных, хотя и обычно безымянных, сказителей, поэтов, философов древности. Эти образы ныне представляются подобием окаменелости, а некогда они были одухотворены сознанием и чувствами верующих. Тогда эти чуждые нам боги были живыми, принимая самое активное участие в личной и общественной жизни людей.

Вряд ли можно воссоздать в первоначальном одухотворенном виде богов прошлого. Как понять тех, давно канувших в небытие людей? Как проникнуть в их духовный мир и восстановить его хотя бы частично? Ведь мы – представители совершенно иной цивилизации, вокруг нас совершенно другая среда, а наши знания благодаря наукам разительно отличаются от того, что было известно им...

Тут приходит на память прозорливое высказывание Карла Маркса о том, что традиции всех былых поколений тяготеют как кошмар над умами живых. Справедливость такого суждения подтверждает наша действительность: достижения науки воплощаются в технику и весьма косвенно, преимущественно в искаженном примитивном виде входят в массовое сознание, тогда как всяческие нелепейшие предрассудки и суеверия (не путать с высокой истинной верой!) распускаются махровым цветом.

Однако роднят нас с прошлым не только, конечно, низменные мысли и чувства. Бесмертна не только глупость, но и мудрость. Порой встречаются удивительные переключки идей – через многие века, поколения, страны. Вспомним, что писал о Боге в минуты высокого вдохновения Гавриил Державин:

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог...

А за 33 столетия до того неведомый египтянин (возможно, сам фараон Эхнатон), слагая гимн солнечному богу Атону, имел в виду нечто более всеохватное:

Никто из богов не знает его настоящего вида;
Его образ не передан на письме...
Он сокровенен, чтобы была постигнута его сила.
Он велик, чтобы быть проповеданным,
Он могуч, чтобы быть познанным.

Можно было бы привести сходные идеи древнеиндийской «Ригведы». Люди, размышляя о мире и о себе, невольно приходили к одним и тем же чувствам, образам, представлениям. Такое духовное единство заставляет предполагать нечто надчеловеческое, малым отражением чего мы являемся, а потому с гордостью можем повторить вслед за Державиным:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я Бог!

Ничто божественное нам не чуждо. Поэтому знакомство с богами прошлых эпох помогает нам проникнуть в глубины духовной жизни не только людей древности, но и современников, самих себя. Ведь в умственном отношении, если не считать достижений науки и техники (которых мы так и не успеваем толком осознать), мы недалеко ушли от своих предков, а если и ушли, то неизвестно в какую сторону.

Первые боги

Как возникла у людей идея Бога, когда это произошло, какими были первые боги – все это остается тайной. Вряд ли ее когда-либо удастся раскрыть. Мнений на этот счет высказано немало, но ни одно из них мы не можем считать бесспорным, надежно обоснованным.

Факты, добытые археологами, историками, исследователями древнейшего искусства и этнографами, позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся образа жизни, занятий, быта, а отчасти знаний и верований людей, которых мы считаем первобытными. Это были охотники, рыболовы, собиратели – представители так называемого Homo sapiens, кроманьонского человека (к этому виду или подвиду относимся и мы).

Они распространились на земном шаре около 40 тысячелетий назад, со временем освоили все обитаемые материки. Судя по сохранившимся с тех пор орудиям труда, произведениям искусства, интеллектуально и психически эти люди существенно не отличались от нас, а в чем-то, пожалуй, превосходили.

Прежде кроманьонцев на Земле господствовал другой вид (подвид) человека разумного – неандертальцы. Однако их духовный мир для нас во многом остается неясным: слишком скудны факты, допускающие разные толкования. Неандертальцы жили разрозненными группами. Есть сведения, что они хоронили умерших, а значит, чтили умерших, осыпали могилы цветами. У них имелись какие-то примитивные формы натуралистического, предметного искусства (подобие современным разновидностям поп-арта, изготовления муляжей). Нет веских оснований считать, что они выработали представления о высших существах.

Первые свидетельства такого рода появляются в эпоху кроманьонцев: наскальные рисунки, гравюры на кости, фигурки из камня, кости, дерева. Это – изображения фантастических существ или стилизованные женские фигурки. Большинство исследователей склоняется к мнению, что эти произведения архаичного искусства отражают представления людей об окружающем мире и своем месте в нем.

Если бы все ограничивалось только подобными «немыми» артефактами, то смысл их оставался бы неясен. Однако по материалам изучения племен первобытной культуры известно, что у них существовали представления о великих богах, а чаще – обожествленных предках, животных (реже – растениях, камнях), о неких человеко-богах или бого-зверо-людях.

Характерная черта искусства кроманьонских охотников: великолепные реалистические изображения крупных млекопитающих, которые служили объектом охоты. А вот люди почти всегда показаны схематично или искаженно. Почему? Вряд ли дело только в узкой специализации художников. Что мешало им рисовать портреты, хотя бы в профиль, верно отражающие оригинал?

Наиболее правдоподобный ответ: мешала вера в магическую силу изображения тех или иных объектов. Подобное суеверие характерно для многих племен архаичной культуры, с которыми сталкивались европейцы.

Курьезный случай, подтверждающий это, произошел с Н. Н. Миклухо-Маклаем. Его слуга, туземец, веривший в магическую силу фотоаппарата, позволяющего получать копии людей, категорически запретил себя фотографировать. Миклухо-Маклай обещал учесть это желание. Однажды, когда слуга спал, ученый решил сделать его фотопортрет, но в последний момент отказался от своего намерения.

Он поступил честно. А делая снимок, рисковал жизнью человека. Ведь туземец мог проснуться во время съемки, ужаснуться и решить, что белый человек обрел власть над его душой. Образ человека, как считали представители архаичной культуры, обладает мистической сопричастностью с живым человеком (или животным). Такое суеверие могло бы довести

туземца до тяжелой болезни, депрессии, а то и могилы (подобные случаи бывали). Действенность магии определяется степенью веры в нее.

Но если конкретных реальных людей древние охотники избегали изображать, то этот запрет распространялся на животных, а также, по-видимому, и на фантастические существа или условно-символические образы мужчин и женщин. Из них определенно выделяются два: человеко-звери и женщины с пышными формами.

Великий бог охоты

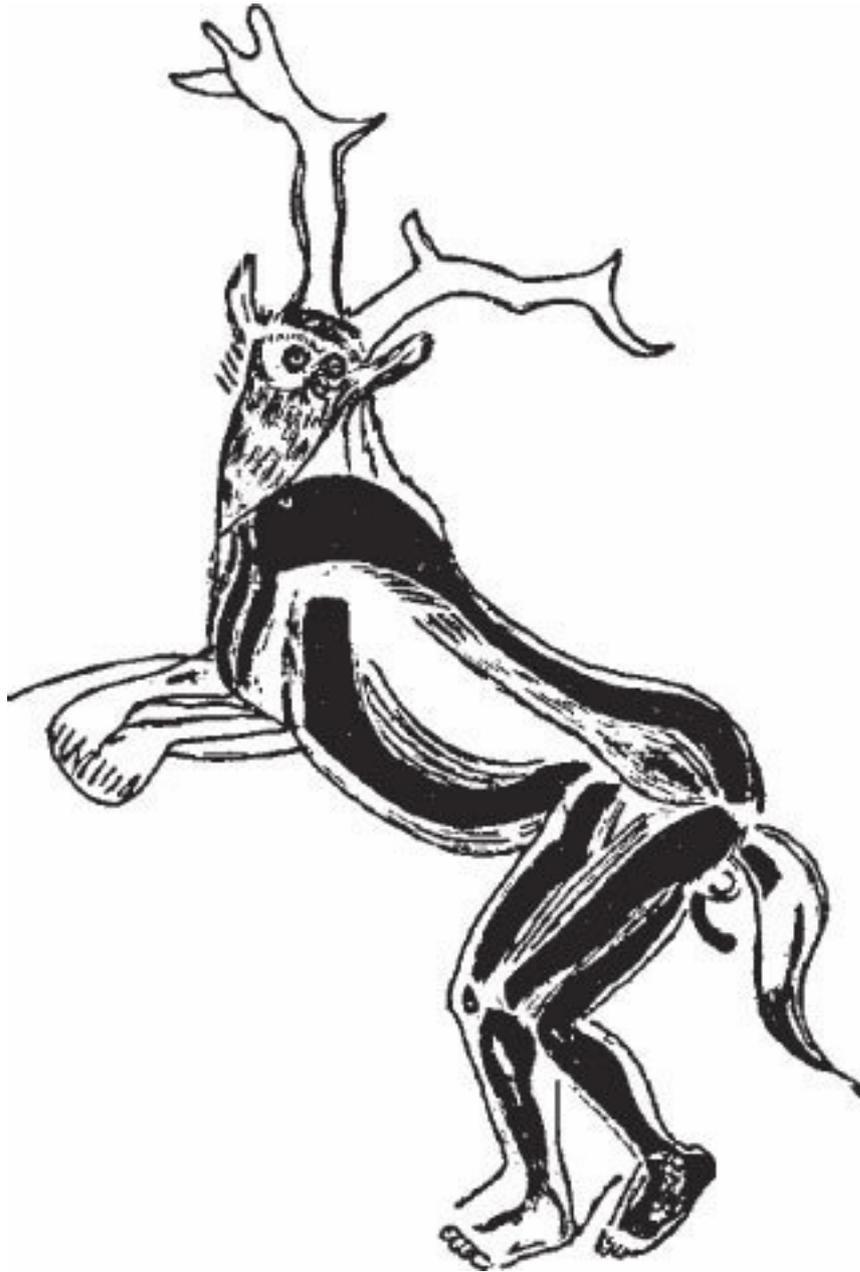
Имя этого божества нам неизвестно. Точнее сказать – у него сотни, тысячи имен. Такие боги, обожествленные предки или животные, с незапамятных времен были у различных охотничьих племен в разных частях земного шара.

Конечно, ни о каком едином великом боге не может быть речи. Каждое племя или род вырабатывали представление о своем более или менее индивидуальном божестве или духе. Вера в них характерна для коренных народов во всех частях света. Но во всех случаях было нечто общее, позволяющее говорить о великом боге охоты как выразителе чувств, мыслей, верований, обычаев охотников разных времен и народов.

За основу мы возьмем древнейшее изображение фантастического существа, определенно имеющего отношение если не к охотничьей магии, то во всяком случае к духовному миру первобытных охотников.

Во Франции есть знаменитая пещера Ле-Труа-Фрер (Три Брата – названная в честь открывших ее трех сыновей графа Бешуана). В ней сохранились загадочные изображения «зверолюдей» и химерических животных. Из них выделяется один образ, получивший названия «Колдун», «Шаман», «Владыка зверей».

В нем соединены черты человека и нескольких животных. У него рога и уши оленя, совиные глаза и клюв, медвежьих передние лапы, лошадиный хвост и человеческие ноги, а также орган, отличающий мужчину, хотя и находящийся не совсем на своем месте.

Нет никакого сомнения, что талантливый первобытный художник со знанием дела отразил характерные особенности человека и животных, стремясь выразить определенную идею. Странное соединение черт, не встречающееся в природе, безусловно рождено силой воображения и какими-то мыслями и эмоциями.

Очень показательно уже то, что перед нами образ «комплексный» и не имеющий аналогов в природе. Его создатель выразил нечто свое собственное как свободный (отчасти, конечно) творец, находящийся в некотором роде вне или даже над природой. Он словно пожелал показать, что человеку свойственны черты самых разных обитателей Земли.

«Все это вместе, – по словам американского ученого и писателя Тома Придо, – создает существо, источающее жизненную энергию, волшебный сплав звериных и человеческих сил».

Такого ли воздействия на зрителей добивался художник? Или он просто шутил, подтрунивая над каким-то охотником? Или изобразил монстра, чтобы запугать соплеменников? Или это – детская страшилка из сказки? Или – наркотическое видение, возникшее во время шаманских камланий?

Такие предположения имеют право на существование, но выглядят надуманными. Они не учитывают главное: данный художественный образ уникален по выразительности, мастерству, смысловой глубине, фантастичности. Он должен воплощать какую-то значительную, великую идею.

Есть в той же пещере еще одно изображение подобного типа – так называемая «сцена с колдуном»: бегущий и, похоже, раненый олень, молодой бизон (впрочем, похожий и на крупного козла), а за ними – бизон с рогами и хвостом, но стоящий на человеческих ногах. Смысл этой композиции неясен. Предположение, что показан колдун в маске или охотник, замаскированный под зверя, вряд ли убедительно: слишком уж велик бизон, чтобы человек смог надеть на себя часть его шкуры с головой, да еще и притвориться бизоном. То, что можно показать на рисунке, не всегда осуществимо в реальности.

Сказки о превращениях людей в животных, и наоборот, очень распространены едва ли не у всех народов Земли. Каждый из нас слышал и читал их в детстве. Животные в сказках наделяются человеческими чертами. В мифах древних народов нередко присутствуют звероподобные люди или человекоподобные звери. Поэтому не исключено, или даже вполне вероятно, что в пещере Трех Братьев запечатлен персонаж древней волшебной сказки.

Надо только иметь в виду, что понятие волшебной сказки появилось и укоренилось сравнительно недавно. В древности люди относились к волшебству с доверием. Они еще не знали четких пределов законов природы, а сновидения толковали как перемещения души в другие миры. Нередко то, что мы склонны считать волшебной сказкой, некогда было мифом – преданием, выразившим жизненный опыт племени, его отношение к миру.

Итак, есть основания считать фантастические образы пещеры Трех Братьев мифологическими персонажами, которых обожествляли охотники. Эти персонажи показывают замечательные качества и возможности великого охотника, способного справиться с любым зверем.

Как художественное и философское обобщение такой образ был вполне оправдан и правдив. Охотники каменного века действительно справлялись с любыми животными-гигантами: мамонтом, шерстистым носорогом, диким быком, огромным пещерным медведем, львом. Конечно, в большинстве случаев охота была коллективной. В мифах присутствовали образы обобщенные, героические, обожествленные.

В мифах легендарный предок умел превращаться в зверей, птиц и других животных, приобретая их качества. В то же время он оставался человеком. Так считали охотники-туземцы Африки, Сибири, Юго-Восточной Азии, Австралии, Южной Америки. Отличия были принципиальными. Если в Сибири преобладали легенды о человеке-олене, то в Австралии почитались люди-кенгуру, а в Африке – люди-леопарды.

Английские исследователи Б. Спенсер и Ф. Гиллен отмечали, что тотемические предки австралийцев мыслятся одновременно и людьми и животными (реже – растениями). В мифах этих племен, записанных немецким этнографом К. Штреловым, предполагается тождество между животными и человеком, так что можно с одинаковым основанием говорить о кенгуру-человеке и человеке-кенгуру.

Советский этнограф В. Р. Арсеньев изучал быт и нравы африканских охотников на крупных животных. Этих охотников соплеменники считают магами, колдунами («симбон»). Ученый привел слова песни охотничьего племени бамбара (республика Мали):

Человек должен бояться охотника.
Охотник – это ведун,
Он знает деревья, он знает воду,
Он знает зверей, он знает лес...
...Многие носят штаны, но не все они – мужчины.
Много обладателей штанов, но мало мужчин.

Много людей, но мужчины – только охотники.

Охотник олицетворяет единство человека с природой, с животными. Он не только господствует над своей добычей, но и зависит от нее.

«Симбон в глазах его окружения, простых земледельцев, – пишет Арсеньев, – это получеловек-полусверхъестественное существо (аккумулятор, генератор и распорядитель магических сил природы), получеловек-полуживотное». Эта характеристика удивительным образом соответствует сути изображения, оставленного древнейшими охотниками в европейской пещере. И то же можно сказать о вере в мистическую суть охоты, представителей различных племен Сибири или Австралии.

Можно согласиться с мнением Арсеньева: «У истоков религиозного сознания превалировало такое представление о мире, когда звери были равны богам, боги – людям, а люди – зверям. Человек в этот период признавал себя равным с другими компонентами в системе Природы, и на путях ее познания и преобразования он сам создавал богов. При этом он уподоблял свою собственную природу представлению о природе вне себя».

Конечно, убеждение в своей сопричастности, своем единстве с окружающей природой определяет веру в одухотворенность окружающей природы и позволяет человеку жить в согласии с ней.

Но это лишь первый шаг. Мысль человека идет дальше. Он понимает и свое отличие от других созданий природы, свои необычайные возможности. В его сознании возникает образ великого охотника (обычно он ассоциируется с образом мистического предка). И если у одного племени им мог быть человек-бизон, у другого – человек-мамонт (есть и такое наскальное изображение), у третьего – человек-олень или человек-медведь, то у какого-то гениального мыслителя каменного века возникла мысль о слиянии подобных частных образов в единый обобщенный образ Великого Охотника. Это уже сверхчеловек и сверхзверь, а значит, великое божество охоты.

...До сих пор у целого ряда народов, главным образом африканских, сохраняется вера в местных богов или духов. Упоминать о таких божествах, считая их великими, нет никаких оснований. Тем более что пришлось бы говорить более о суевериях, чем о вере.

Образ Великого Охотника – нечто совсем другое. Он был порожден не только фантазией, но и выразил отношение человека-охотника к окружающему миру и своему месту в нем. Это – одна из тех общих идей, которая позволяет говорить о духовном единстве человечества.

Итак, едва ли не первым великим божеством у людей, занимавшихся преимущественно охотой, с древнейших времен было существо, воплощающее в себе человеческие и звериные качества. Оно символизировало единство человека с природой, а также – отчасти – господствующее положение охотника в мире животных, обладание им особой мистической силы. Можно сказать, что в этом случае человек, ясно того не сознавая, поклонялся всему человечеству и всей окружающей природе, в которой он существовал и единство с которой ощущал.

Первая богиня

Куль охотника, воплощенного в божество мистического зверо-человека, возможно, был хронологически не первым в истории культуры. Хотя более или менее точных датировок в этих случаях нет, но, безусловно, в искусстве каменного века на протяжении не менее десяти тысячелетий абсолютно преобладали изображения женщин.

Фигурки и изображения женщин каменного века были найдены в разных районах Европы, Азии, Африки. Нередко их называют «первобытными венерами». Правда, большинство из них вряд ли с нашей точки зрения могут считаться эталоном женской красоты. У боль-

шинства этих женщин грузные фигуры, утрированные половые признаки, нередко жировые накопления на бедрах, талии, ногах. Другая особенность: почти у всех у них отсутствуют лица.

Одни фигурки женщин вырезаны из камня или кости (часто – мамонтовой), другие выполнены в виде гравюр или барельефов, третьи нарисованы. По стилю они тоже различны: от натуралистических до стилизованных, символических, полуабстрактных. Порой некоторые фигуры удивительным образом напоминают создания авангардистов XX века.

Что подвигло людей на создание этих фигур? Какими были эти люди, в каких условиях и для чего они занимались таким творчеством?

На подобные вопросы ответить нелегко. Некоторые исследователи полагают, что так проявлялись в далекой древности эстетические и эротические чувства. Подобные взгляды характерны для людей, которые озабочены именно эстетизмом и эротизмом или увлечены фрейдизмом.

Насколько известно, представители архаичной культуры не страдали подобными отклонениями. В нелегких, далеких от комфорта условиях примитивного охотничьего, а также скотоводческого и земледельческого быта основной заботой нормального человека, тем более мужчины, являлось добывание пищи и обеспечение безопасности. Если бы те, кто чрезвычайно озабочен сексуальными проблемами, вынуждены были постоянно охотиться на диких зверей, их мировосприятие изменилось бы коренным образом; в противном случае они бы погибли.

Вообще, представления о том, что «дикари» необычайно сексуальны, обладают какой-то поразительной половой потенцией и готовы беспрестанно совокупляться – не более чем дикий предрассудок. Он не подтверждается никакими наблюдениями (а изучало племена архаичной культуры очень немало исследователей).

Много ли могло быть полных, а то и чрезмерно полных женщин 10–20 тысячелетий назад, в конце ледниковой эпохи у племен, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни? Вряд ли. Пожалуй, такое могло быть только в особых случаях: если данная группа людей, семья, род относились к процветающим и в то время, когда отношение к женщине было не только почтительным, но подчас и благоговейным.

Если бы мужчины воспринимали женщин преимущественно как объекты сексуальных вожделений, то их изображения были бы связаны с половым актом и позы были бы соответствующими. Подобные рисунки древних людей известны, но их очень мало. И не удивительно. Удовлетворение полового инстинкта – в разных формах – не являлось для «первобытного» человека чем-то неутолимо желанным и малодоступным. В архаичных обществах были свои представления о половой жизни, которую обычно не связывали с деторождением, а то и с добрым воздержанием и сохранением верности в браке.

Сошлемся на мнение авторитетных исследователей австралийских племен Рональда и Кэтрин Берендтов: «Нигде среди аборигенов Австралии, насколько нам известно, добрые и внебрачные взаимоотношения полов полностью не запрещаются. В ряде случаев они даже поощряются... Половые сношения воспринимаются как нормальный, естественный фактор человеческой жизни». Какого-нибудь особого сексуального интереса к представителям противоположного пола у таких народов нет именно благодаря в значительной мере естественному образу жизни. Чрезмерная озабоченность половыми проблемами характерна для так называемых цивилизованных обществ.

Кстати, те же авторы отметили, что «очень немногие аборигены в традиционных условиях полнеют», и привели примеры распада семей из-за того, что жены были слишком грузными. И хотя этнографы и археологи нередко называют стилизованные фигурки полных женщин каменного века «первобытными венерами», в действительности подобные образы ни тогда, ни теперь не могут служить эталоном женской красоты. Испокон веков для сексуальных утех мужчины предпочитают пользоваться услугами молоденьких стройных девушек.

Убедительные примеры на этот счет приводили многие специалисты-этнографы. Например, французский ученый Клод Леви-Стросс наблюдал в джунглях Бразилии жизнь племени, в котором у вождя была одна старшая супруга, которая вела домашнее хозяйство, и несколько молоденьких жен. «Естественно, – писал Леви-Стросс, – ему импонирует возможность доступа к молодым и красивым девушкам; это дает ему удовлетворение не столько физическое, сколько эмоциональное. Однако главным образом полигамный брак и его специфические атрибуты служат средством помочь вождю выполнять свои обязанности. Если бы он был один, то ему было бы трудно делать больше, чем остальным. Его второстепенные жены, освобожденные от тяжелых обязанностей своего пола, оказывают ему поддержку и утешение. Они одновременно являются вознаграждением за власть и ее инструментом».

Скорее всего, большое количество изображений женщин каменного века объясняется не сексуально-прикладной ориентацией, не является выражением половой страсти художника и его вожделений, а представляет собой памятники первобытной религии.

Вот что писал о них известный исследователь первобытного общества П. П. Ефименко: «Переданы они почти всегда нагими, с подчеркнутыми признаками пола. Особенно в них бросается в глаза желание первобытного художника передать черты зрелой женщины-матери; об этом говорят такие постоянно присущие им признаки, как объемистые груди, огромный живот и общий характер фигуры – с чрезмерно развитыми жировыми отложениями в области таза и бедер. В некоторых, правда, все же довольно редких, случаях они, несомненно, прямо изображают беременных женщин».

Он обратил внимание на то, что подобные фигурки встречаются по большей части вблизи очага. Порой у них были отбиты головы, и почти всегда отсутствовали лица. Ученый пришел к выводу, что по крайней мере в ряде случаев статуэтки были разбиты сознательно – «хотя бы для того, чтобы уничтожить «покровителей» жившей здесь общины».

Спору нет, встречаются среди памятников первобытного искусства изображения, созданные именно с любовью, желанием передать красоту и привлекательность женщин. В подобных случаях художник старался запечатлеть и черты лица женщины, а фигуру делал подчас преувеличенно вытянутой. Но это – скорее исключение, чем правило.

По мнению Н. Н. Ефименко, большинство изображений женщин каменного века представляет собой проявления матриархата и показывают родоначальниц рода или исполнительниц семейно-родовых обрядов.

Обнаружив изображение такого типа с рогом в руке, ученые предположили, что это символ благополучия, обилия. Хотя такой символ возник несравненно позже, не исключено, что рог стал служить им еще в каменном веке. Впрочем, не менее вероятно, что таким образом люди увековечили образ женщины, приготовившей магический опьяняющий или дурманящий напиток, способный переносить человека в «мир иной», мир видений, галлюцинаций.

Согласно версии советского этнографа С. А. Токарева, эти женские статуэтки изображают хозяйку очага или хранительницу огня: «следы подобного мифологического образа, предмета семейно-родового культа, сохранились у многих современных народов, особенно у народов Сибири».

У аборигенов Австралии, а также у некоторых африканских племен существуют предания о том времени, когда женщины господствовали над мужчинами (австралийцы особо чтит женщин-первопредков). Вообще, у многих народов женщина служила олицетворением плодородия и соответствующее божество было преимущественно женского рода. При этом мать-прародительница представлялась не как молодая красивая женщина, а как пожилая опытная многознающая и владеющая магическими приемами.

По словам Т. Г. Штрелова, изучавшего культуру австралийских аборигенов, «женщины-предки, почитаемые в мифах аранда (одного из племен. – Р. Б.), внушают благоговей-

ный трепет, пользуются неограниченной свободой. Они часто более могущественны, чем мужчины».

А вот свидетельство французской исследовательницы африканских племен Д. Пом: «Парадоксальным образом африканская женщина должна перестать рожать, чтобы быть окончательно принятой семьей мужа. Сами африканцы признают, что, переступив определенный возрастной порог, женщина почти не отличается от мужчины. Не важно, является ли она женой вождя либо нет, умная женщина, семья которой преуспела, имеет право на общее уважение. Тем большее, чем многочисленнее ее живущие дети».

Наконец, сошлемся на американского ученого XIX века Л. Г. Моргана. Он привел, в частности, сведения, полученные от миссионера Артура Райта, прошедшего много лет в одном из ирокезских племен: «Обычно управляли домом женщины и притом, конечно, прочно держались вместе. Запасы были общими, но горе тому злополучному мужу или любовнику, который пренебрегал своей обязанностью участвовать в добыче средств существования. Сколько бы ни имел детей или имущества в этом доме, он мог каждую минуту получить приказание свернуть свое одеяло и убраться... И если какая-нибудь тетка или бабушка не вступалась за него, он должен был возвратиться в свой клан... Женщины были большой силой в кланах, как и повсюду. Они не задумывались, когда требовали этого обстоятельства... «сбить рога» с головы вождя и сделать его опять простым воином. Точно так же назначение вождя находилось всегда в их руках».

Не станем умножать примеры. Постараемся сделать общие выводы.

По мере того как уменьшалось количество крупных животных, на которых успешно охотились первобытные люди (особенно явно такое оскудение охотничьих ресурсов проявилось в Новом Свете и Австралии, а также на территории Сахары и в Европе), все более важное значение для выживания племен приобретало собирательство, а затем примитивное земледелие и скотоводство. Появились первые достаточно долговременные поселения, и ведение домашнего хозяйства, наряду с собирательством и обработкой земли, стало, как мы теперь выражаемся, более престижным. Соответственно менялось и общее отношение к женщинам, что находило отражение в мифах и верованиях.

Пожилая, опытная, мудрая женщина, умело ведущая хозяйство, имеющая много детей и внуков, стала служить символом благополучия и процветания рода. Отсюда – и обожествление женщины-прародительницы.

Такой, по всей вероятности, была первая богиня у многих первобытных (точнее – архаичных) племен и народов. Конечно, у каждого рода и племени, а то и у каждой семьи она имела индивидуальные черты. Но сходства в этих изображениях – в самых разных регионах, при определенном уровне материальной культуры – гораздо больше, чем отличий. Поэтому этот образ с полным основанием можно считать первой Великой богиней.

Древний Египет

Пантеон богов Древнего Египта обширен и непостоянен. Иногда одному и тому же боже-ству придавались разные черты и функции. И наоборот, разные боги порой образовывали диады и триады, меняли обличья, отождествлялись.

Впрочем, такова характерная черта религиозных воззрений начальных этапов цивилиза-ции, когда духовная культура находится в гармоничном соответствии с общественным устрой-ством и уровнем развития материальной культуры, а также представлениями людей о природе и своем месте в ней.

С переходом к классовому обществу сохранялись поначалу образы богов, имеющих черты людей и животных. Но теперь эти боги отличались разнообразием и были выстроены в соответствии с определенными иерархическими системами. В такие эпохи не было обширных государств с устойчивой постоянной группой богов. Тогда в Египте (и в других регионах с культурой подобного типа) существовало несколько десятков более или менее обособленных областей или городов-государств, номов.

У каждой такой общественной ячейки были свои представления о богах и их взаимоотно-шениях. От нома к ному, а также из века в век такие воззрения могли меняться радикально. Это существенно затрудняет описание пантеона египетских богов. То же относится и к пред-ставлениям о сотворении мира и участии в этом мифическом процессе тех или иных богов. Есть несколько версий таких мифов, порой принципиально отличающихся друг от друга.

Поражает обилие древнеегипетских богов. В «Мифологическом словаре» (1991) их упо-минается больше сотни. Выбрать из них самых главных нелегко. Судьбы богов во многом зави-сели от текущей политической ситуации. Усиление какого-либо нома сразу же выдвигало на первый план его местных богов. И дело даже не только в том, что этих богов «насаждали» из идеологических соображений. Общественная психология такова, что победитель выступает в ореоле величия как представитель неких высших сил. Его покровители – боги – в таких слу-чаях признаются более могущественными, чем боги побежденных вождей.

Около пяти тысячелетий назад произошло знаменательное событие: присоединение Верхнего Египта к Нижнему. Этому предшествовал долгий период распрей и вооруженных столкновений. Победители-фараоны принадлежали к роду Гора-сокола, а побежденные – к роду Сета, покровителя зверей. В результате Сета стали считать злобным богом пустыни, носи-телем зла.

Первым из фараонов объединенного Египта принято считать Нармера; по другим сведе-ниям, его имя было Менес, или Мина (не исключено, что под разными именами выступал один и тот же человек – фараоны нередко имели несколько имен).

Несмотря на уникальное долголетие египетской цивилизации, в ее истории бывали пере-ходные «смутные» периоды, когда происходили междоусобицы, беспорядки, внутренние кон-фликты и вторжения иноземцев. В такие времена отношения к богам существенно менялось, а порой пантеон подвергался «перестройке».

Самые древние мифы обычно сообщают о сотворении мира. Но и тут в Египте господ-ствует разнообразие мнений, концепций. Общее у них то, что изначально существовал Нун, перевозданный Хаос. Его чаще всего представляли в виде бескрайней водной глади, окутанной мраком. Из него вышел первый бог (или появились первые боги) и стали наводить порядок. Но имя этого бога в разных номах называли по-разному. В Гелиополе это был Атум, в Мемфисе – Птах, в Нубии – Хнум, а в Гермопольском варианте творили мироздание четыре пары богов, олицетворявших природные стихии.

Показательно, что источником творения считались божественная воля и его слово. (Судя по всему, египетский первоисточник послужил основой библейского предания о сотворении

мира.) Почему именно слово? Известно, что имя в далекой древности считалось мистически сопричастным с самим объектом.

Называя небо и землю, Солнце и Луну, древний человек выделял их из хаоса неразделенных, смутно воспринимаемых сознанием объектов. Таково было, можно сказать, информационное сотворение мира из хаоса. По-видимому, оно-то и послужило основанием наделять Бога способностью творить «из ничего».

То, что в Древнем Египте первые из нам известных богов не были олицетворением Солнца, а являли собой полулюдей-полуживотных, свидетельствует о далекой древности таких верований, восходящей ко временам первобытных охотников. И хотя общество к тому периоду перешло к земледелию и скотоводству, охота оставалась привилегией знатных родов и воинов. Вот почему солнечный бог поначалу оставался «на вторых ролях», а ведущие роли сохранялись за более архаичными олицетворениями животных и природных стихий. Но со временем в мифах на первое место стал выходить солнечный бог (преимущественно такие мифы и дошли до нас).

Наконец, необходимо подчеркнуть важную особенность мифов: символичность и поэтичность. Реалистичные изображения богов, оставленные нам представителями былых цивилизаций, и прежде всего египетской, не должны вводить нас в заблуждение. Некоторые исследователи склонны толковать их как отражение примитивных представлений о природе, фантастических образов, символизирующих материальные объекты и явления. С такими взглядами трудно согласиться.

Представьте себе, что бы мы подумали об интеллектуальном уровне людей XIX века, если бы изучали только поэтические произведения? Символы, поэтические образы, имена богов (преимущественно античных) неопровержимо свидетельствовали бы о том, что разум человеческий блуждает в мистическом тумане.

Вот малая часть примеров из Пушкина: «Тебе, наперсница Венеры, / Тебе, кетовой Купидон / И дети резвые Цереры / Украсили цветами трон...»; «О боги мирные полей, дубров и гор...»; «Храни меня, мой талисман...»; «...И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился...»; «Ты, соперник Аполлона, Бельведерский Митрофан»; «Бог веселый винограда...» А вот некоторые строки Тютчева: «Чародейкою Зимою / Околдован лес стоит...»; «Зима недаром злится, / Прошла ее пора...»; «О рьяный конь, о конь морской...»; «Два демона ему служили, / Две силы чудно в нем слились: / В его главе – орлы парили, / В его груди – змии вились...»; «Есть близнецы – для земнородных / Два божества – то Смерть и Сон...»

В далекой древности преобладало поэтическое воззрение на природу. И когда на египетском рисунке или в тексте пирамид присутствует образ небесной коровы, то лишь весьма наивный человек – и тогда, и теперь – может всерьез отождествлять земную корову, дающую молоко, с небесной божественной коровой, оставившей в небе Млечный Путь.

Обилие богов Древнего Египта, их неустойчивость, сложные взаимоотношения и взаимные переходы логичней всего объяснить не только изменчивой социально-политической ситуацией в стране, но и проявлениями сложной поэтической символики. Вдобавок, невозможно в деталях восстановить ту обстановку, в которой создавались те или иные мифы, рисунки, тексты, а также индивидуальные особенности авторов, их взглядов на мироздание и место в нем человека, их отношения к богам.

Не исключено, что за множеством имен разнообразных божеств скрыто нечто единое, всеобщее и тайное. Так, по крайней мере, думал английский египтолог конца XIX века Уоллис Бадж. По его словам: «Читая древнеегипетские религиозные тексты, читатель может убедиться, что египтяне верили в Единого Бога, самосущего, бессмертного, невидимого, вечного, всезнающего, всемогущего, непостижимого, творца неба, земли и подземного мира... Именно эту часть их воззрений следует признать основополагающей...»

В таком суждении есть определенный резон. Известно, что подлинное имя Бога считалось священным и тайным, а завет не упоминать имя Божие все существовал у едва ли не всех племен и народов с доисторических времен. Называя отдельных богов, реалистически изображая их, древние египтяне могли сохранять в глубокой тайне имя верховного Творца и Управителя мироздания, повелевающего богами. Однако обо всем этом можно только догадываться.

Нун

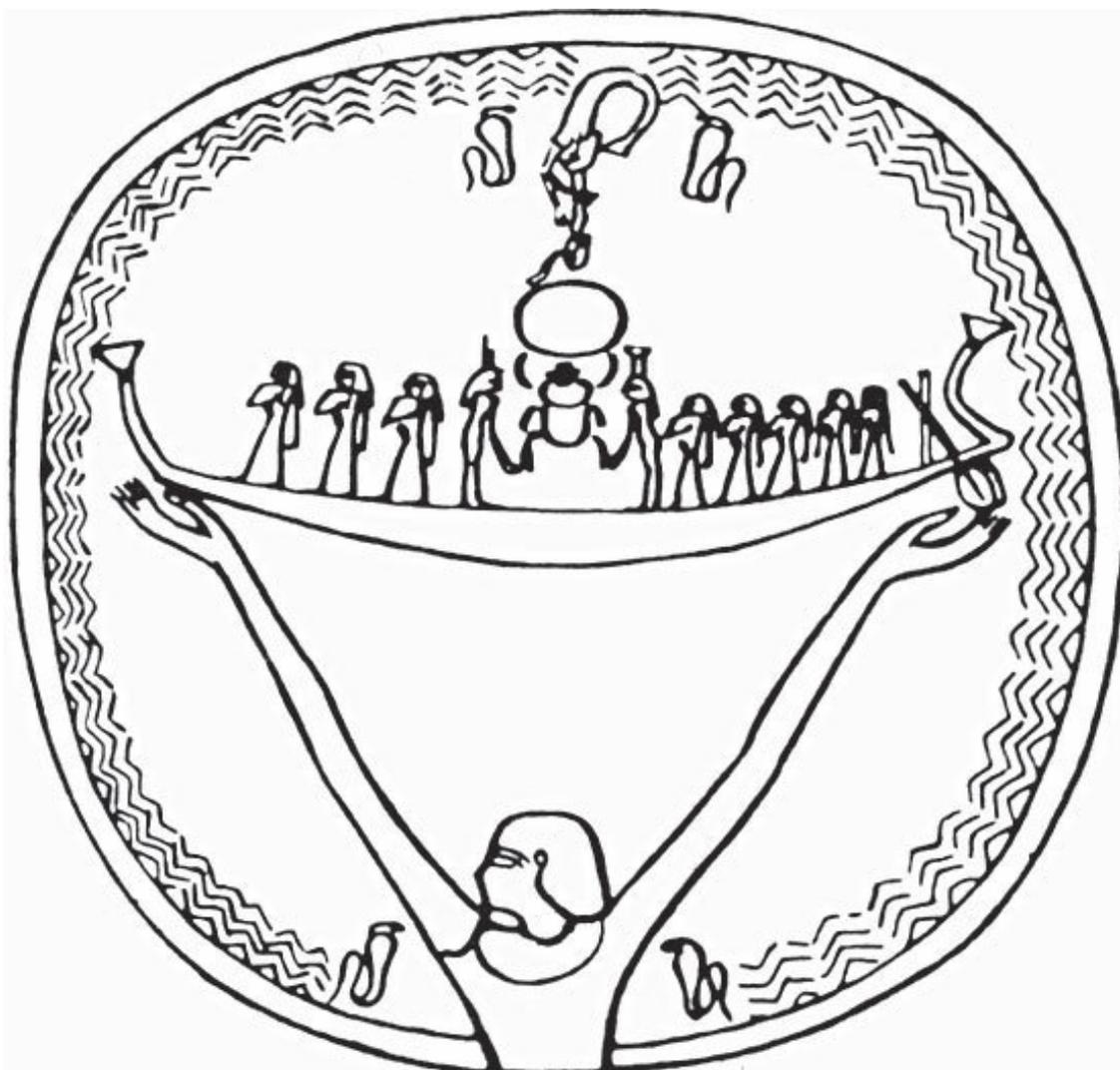
Этот египетский бог – один из древнейших и наиболее загадочных.

Принято считать, что Нун олицетворял первозданный водный хаос, из которого произошло все сущее, а прежде всего – божества.

На древнеегипетском рисунке, изображающем – символически – структуру мироздания, Нун показан первотворцом и первоосновой мира. Он возникает из некой субстанции (порядок из хаоса?) и держит в руках ладью бога-солнца, в которой находятся первые божества (здесь их десять).

В верхней части рисунка показан подземный мир, окруженный телом Осириса (символ вечного круговорота жизни, возрождающейся после смерти). На голове Осириса стоит богиня Нут, принимая руками солнечный диск, который катит по небу скарабей.

В некоторых мифах Нун обретает облик первого бога, сотворившего свою жену Наунет, олицетворяющую небо (их изображали также в образах лягушки и змеи). Этой парой были рождены другие боги. Нередко Нуна называли «отцом богов».

Трудно восстановить первоначальный смысл мифов, в которых упоминается имя этого бога, извлечь «рациональное зерно» из более поздних наслоений, отражающих воздействие

идеологических мотивов на представления о жизни природы. Ведь со временем солнечные божества стали связываться с властью фараонов. Владыка над людьми соответствовал владыке над богами. Однако при этом подразумевалось, что существует и некий более древний и великий Бог, образ которого оставался таинственным.

В мифе об истреблении людей есть один странный эпизод. Царь богов Ра состарился и был взволнован вестью, что люди замыслили против него злые дела (по-видимому, решили свергнуть его). Вместо того чтобы самому наказать их, он (из-за своего бессилья?) просит позвать богов, которые пребывали с ним в Нуне, «а также самого бога Нуна».

Когда боги прибыли к Ра, «распростерлись они перед его величеством, чтобы сказал он слова свои перед отцом старейшим, создавшим людей».

Создается впечатление, что если боги подчиняются Ра, то сам он обращается к творцу всего сущего Нуну. Правда, Нун с почтением обращается к Ра: «Сын мой Ра, бог более великий, чем создавший его и чем сотворившие его...» Но в этом усматривается более всего вежливость, благосклонность Всевышнего. Если бы Ра был действительно самым главным, то незачем ему было бы обращаться к Нуну с жалобой на людей.

Обратим внимание на то, что именем Нун в этом мифе называется первоначальное состояние мира (его принято отождествлять с хаосом, хотя такое толкование может быть и не вполне точным), а также имя первоначального бога. Как это понимать?

Более всего, пожалуй, это соответствует мировоззрению пантеизма, когда Бог и природа воспринимаются как единое целое; когда природа обожествляется, а Бог предстает как Всемирный Дух и Разум. Так выражаются единство и целостность бытия, всего сущего. Вселенной.

Возможна ли какая-то иная, более правдоподобная версия? Вряд ли. Если уподоблять Нуна хаосу, то это был бы бог деструктивный, олицетворяющий беспорядок, беззаконие, безвластие, а не бог «отец богов». Для такого творения необходимы воля и разум. Сам по себе хаос бесплоден, ибо не обладает упорядоченностью.

В гелиопольском мифе о сотворении мира Владыка Вселенной, появившийся из «неоглядного Нуна», изрыгнул из себя бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут. Повествование ведется от имени этого Владыки (Хепри – Сущего – одного из воплощений солнечного божества Атума). Он не всемогущ; ему требуется помощь божественного отца: «И отец мой Нун произнес: «Да возрастут они!» После того существовали как единый бог в трех лицах – Я, Шу и Тефнут. От Шу и Тефнут водились другие боги и богини.

Такова одна из версий древнего мифа, в которой определенно подчеркиваются величие Нуна, его дар наделять силой, духовной мощью богов. В нем соединяются три ипостаси: творца Вселенной, отца богов, духовной силы. Но в то же время (или в той же вечности) при нем остается некая материальная реальность, не разделенная на стихии; ее, пожалуй, можно сопоставлять с первоматерией, а не с хаосом.

Был ли Нун или какой-то иной бог первоначально единым (триединым), всевышним, безвидным, всемогущим – об этом остается только догадываться. Эта версия заслуживает дальнейшей разработки. А с позиций современной науки идея о первоматерии, которая дала начало привычному нам материальному миру, созвучна концепции вакуума – особого энергоёмкого состояния пространства, из которого в определенных условиях могут возникать элементарные частицы, обладающие массой покоя и представляющие собой «микрооснову» материи. Конечно, подобные идеи не приходили в головы египетским мыслителям. И все-таки их представления о Нуне в философском смысле предваряют концепцию вакуума, порождающего материальные объекты.

Нут

Нут – Небесная корова, особо почитаемая в Египте как олицетворение неба, точнее сказать – космоса, потому что ее тело изображали усыпанным звездами. Правда, целый ряд рисунков, отражающих космологическую мифологию древних египтян, показывают, что бог ветра и воздуха Шу отделяет женское божество Нут от ее брата и супруга Геба. Однако подобные представления, по мнению исследователей, возникли позже, чем образ Небесной коровы.

При слове «корова» мы воображаем не совсем то животное, которое имели в виду древние египтяне. За истекшие с той поры тысячелетия благодаря искусственному отбору эти животные превратились в представителей «мясомолочного скота» – существа медлительные, грузные, с огромным выменем и сравнительно короткими ногами.

В древнеегипетском исполнении корова близка к диким предкам: стройная, элегантная, красивая. Недаром перед изображением коровы часто ставился иероглиф, означающий «красота».

Надо еще раз подчеркнуть, что образ прекрасной Небесной коровы относится не к тому «нижнему небу», воздушному пространству, по которому плывут облака (его олицетворял Шу), а к более высокой и отдаленной сфере звезд, которую со времен античности принято называть космосом. В этом контексте приобретает смысл название Млечный Путь для звездной полосы, в виде которой предстает перед обитателями Земли наша Галактика.

Образ Космической Коровы (будем называть ее так ввиду неопределенности термина «небо») восходит к далекой древности и отражает верования скотоводов. Уже во времена первых фараонов, около 4,5–5 тысячелетий назад, этот образ воспринимался (во всяком случае учеными людьми) как аллегория, символ. Наряду с ним использовались и другие образы. Так, в Текстах пирамид встречаются фразы: «Звезда плывет по океану под телом Нут» (каким бы ни было тело Нут, но оно явно отождествляется с Космосом, а океан – возможно, с воздухом или даже сферой звезд). Об усопшем Фараоне сказано: «Он – сын великой дикой коровы. Она беременеет им и рождает его, и его помещает под ее крылом». В этом случае использован дополнительный образ крыльев коршуна, которые тоже служили символом неба.

По словам известного английского египтолога Рудольфа Антеса, «в этом контексте множественность концепций о небе принимается в высшей степени серьезно. Это вовсе не поэтическая фантазия или шутка художника». На шутку это, безусловно, не похоже, а вот поэтическая фантазия, пожалуй, в таких воззрениях присутствует.

Обратим внимание на замечательную мысль, высказанную Р. Антесом: «Нет сомнения, что в самом начале их истории, около 3000 г. до н. э., египтяне понимали, что идею неба нельзя постигнуть непосредственно разумом и чувственным опытом. Они сознательно пользовались символами для того, чтобы объяснить ее в категориях, понятных людям их времени. Но поскольку никакой символ не может охватить всю суть того, что он выражает, увеличение числа символов скорее способствует лучшему пониманию, чем вводит в заблуждение. Кроме того, разнообразие придавало изображению и описанию небес известную картинность и живость».

Выходит, давным-давно в Египте существовали более продуманные, философски обоснованные (с учетом человеческого незнания) представления о далеком небе, которое мы привычно называем космосом. Ведь при слове «Космос» мы подразумеваем некое безжизненное пространство с группами звездных систем, скоплениями туманностей. Специалисты упомянут еще об электромагнитных и гравитационных полях, разного рода небесных (мертвых) телах. Окультисты вообразят «тонкие тела», некие космические привидения, а фантазеры – инопланетян...

Для древних египтян звездный небосвод выступал в образах коровы Нут, женщины Нут, океана, крыши и даже крыльев. Суть космоса остается загадочной, хотя и более или менее понятной в некоторых проявлениях. Прежде всего, это нечто божественное и живое. За видимым образом (крыша, купол) скрыто иное, во многом непостижимое. Разнообразие символов подчеркивает их условность. В то же время современное понимание космоса – предельно упрощенное, лишённое поэзии, красоты.

В египетских мифах Космическая Корова Нут по совету Нуна поднимает на себе усталого престарелого Ра в небесную высь. На большой высоте у Нут закружилась голова, а ноги ее задрожали. Тогда Ра пожелал иметь богов, чтобы поддержать ее (интересно, что он лишь высказал пожелание, а исполнил его, судя по всему, всемогущий Нун). Тогда восемь божеств встали у ног Космической Коровы, а Шу стал поддерживать ее брюхо.

В таком виде предстает перед нами Нут в одном из наиболее выразительных рисунков. У него есть свои особенности. Ра изображен не сидящим на спине Нут, а плывущим в ладье под телом Нут (ладья расположена под звездной полосой). На голове Ра – солнечный диск, хотя и он, и боги показаны в образе людей.

Между рогами коровы и перед грудью начертаны иероглифы «хех», что означает «миллионы» или «множество божеств». Можно толковать это как указание на несчетное количество звезд. Перед нами – космогоническая аллегория. Символический характер фигур подчеркивается тем, что боги не прилагают особых усилий для поддержки опор небосвода (четырёх ног Нут), а Шу лишь касанием пальцев поддерживает огромное тело Нут.

На других рисунках богиня космоса изображена женщиной, она изогнута в виде купола, имеет непомерно длинные руки и ноги (опоры) и только кончиками пальцев рук и ног касается земли (изображенной в виде мужчины). Шу, разделяющий эту пару, тоже не выглядит напряженным под тяжестью «небесного тела».

За последнее столетие стало модным подразумевать в различных аллегориях сексуальную подоснову. В легенде о человекоподобных Земле и Космосе сексуальная связь между супругами высказана определенно, однако подтекст не столь примитивен, как может показаться на первый взгляд. Вопреки реальности Земля, олицетворяемая Гебом, несравненно меньше, чем божественная Нут, а какие-либо фаллические символы отсутствуют вовсе.

Обобщая представления древних египтян о богине Нут, надо признать, что первоначальный смысл, который вкладывали в этот образ, был многоплановым, глубоким, отражавшим

целый комплекс космогонических представлений. Замечательно уже то, что около пяти тысячелетий назад египтяне разделили три области, три сферы: земли, воздуха, космоса.

Нет никаких оснований полагать, что Земля в ту пору считалась небесным телом, имеющим форму шара. Мир древнего человека отражал картину, которую видит земной наблюдатель: плоскую земную поверхность, купол небес, воздушный океан, по которому плывут облака.

Самое замечательное, что воздушный океан, атмосфера, действительно отделяет нас, обитателей его дна, от космического пространства, которое во многом нам чуждо. Но в то же время наша планета родственна другим небесным телам, и в этом смысле связь Нут с Гебом вполне оправдана.

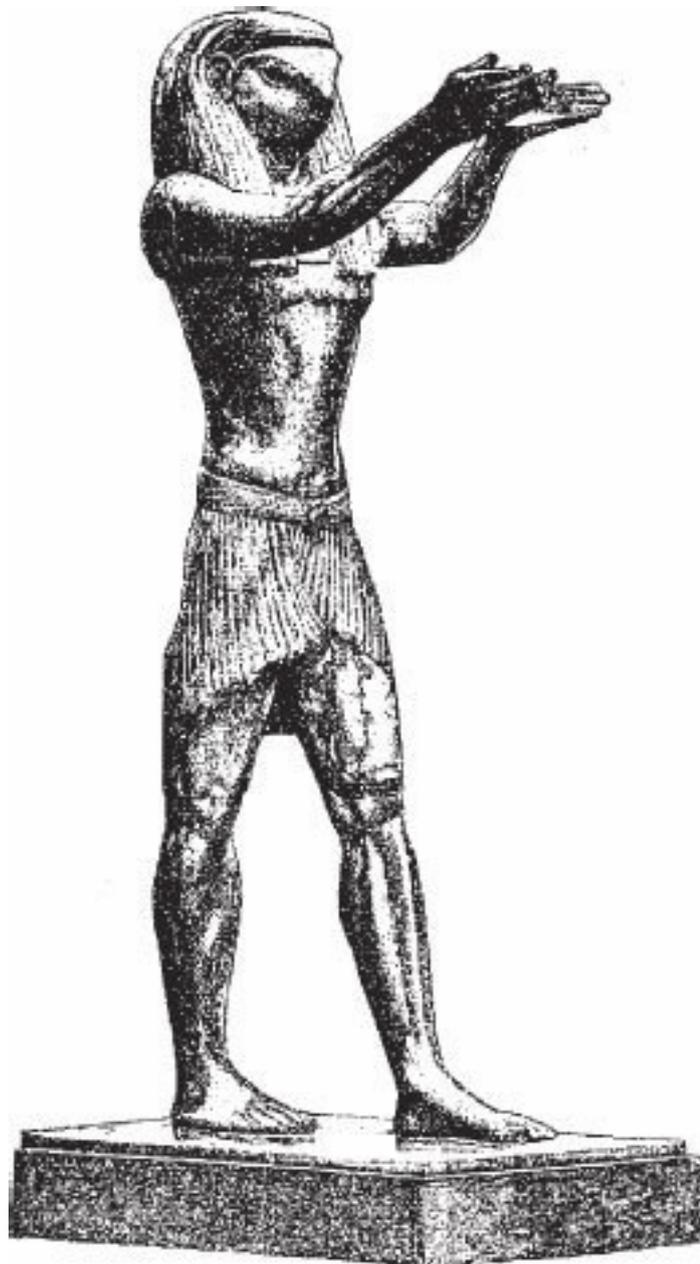
И все-таки еще более глубокий смысл заключен в образе Нут – Космической Коровы. Все прочие боги представлены в облике людей и тем самым являются причастными к земному миру (люди творят богов по своему образу и подобию). А космос – нечто более величественное, своеобразное, основополагающее. Даже божественное Солнце не является в данном случае центром мироздания или верховным управителем Вселенной: ему определено место между сферой звезд и воздушным пространством. И хотя в некоторых вариантах мифов Ра восседает на спине Нут, художник не счел нужным исказить реальную картину небес, где Солнце видится выше облаков, но является частью каких-то иных пространств, сопряженных с неизвестным космосом.

И еще одно важное обстоятельство. Нут – это живое существо. Космическое пространство вместе со звездами представляет собой, по мысли древнеегипетских мудрецов, живой организм, а не ту бездушную механическую систему, образ которой предлагает нам современная наука.

Гор (Хор)

Гор – один из древнейших египетских богов, хранивший предания о тех временах, когда охота была главенствующим занятием мужчин. Его изображали – в более поздние периоды – в виде человека с головой сокола или солнечного диска с распростертыми соколиными крыльями.

По-видимому, первоначально это был племенной бог воинственных охотников, сумевших установить господство над соседними племенами. Их вождь уподоблялся стремительному остроглазому хищнику, «владыке небес», воздушного океана. Предполагается, что Гор стал местным божеством в Иераконполе (Верхний Египет), а когда местный вождь покорил своих врагов, стал первым египетским фараоном, Гор-сокол явился олицетворением царской власти.

Правда, цари II династии (около 2800 г. до н. э.) называли себя «Хор и Сет». Но это означало, по всей вероятности, признание равных прав и за Нижним Египтом, который в экономическом отношении опережал Верхний.

Гор выступал в двух ипостасях: как владыка небес, царь богов, бог Солнца, а также как земной царь, фараон. По мнению Р. Антеса, «Хор представляется настоящей троицей, состоящей из небесного царя, земного царя и сокола».

Правда, уже тогда было очевидно отличие небесного царя от земного, смертного владыки. Согласно Текстам пирамид, для преодоления этого противоречия была придумана такая мифологическая цепочка (нечто подобное идее круговорота жизни). После своей смерти земной Гор, по этой версии, превращался в воскресающего бога Осириса, чем обеспечивалось его бессмертие.

В одном из космогонических мифов Гор представлен сыном Осириса и Исида, рожденных Нут и Гебом. Однако жестокий и злобный Сет убил своего брата Осириса и завладел его тронem. Но когда Гор вырос и окреп, он вступил в схватку с Сетом и победил. Его провозгласили царем Египта.

Складывается впечатление, что миф рассказывает о борьбе за власть между царями Нижнего Египта (под покровительством бога Сета) и Верхнего Египта (почитавшего Гора). Поначалу первенство оставалось за вождями Нижнего Египта, которые затем потерпели поражение. Тем более что, по одной версии, Сет был не дядей, а братом Гора.

В более поздних мифах Гор изображен как светоносный бог, который вступает в схватку с силами тьмы и зла, мстит за смерть своего отца Осириса и охраняет власть фараона.

На рельефе храма Гора в городе Эдфу (Бехдет) Гор, стоящий на носу ладьи бога солнца Ра, гарпуном поражает врагов света, олицетворения сил зла – крокодилов и гиппопотамов. Порой образы Гора и Ра сливаются воедино.

Согласно одному из мифов, Исида зачала Гора от погибшего Осириса (злодейство Сета) и воспитывала сына, скрываясь в дельте Нила. Возмужав, Гор явился на совет богов и доказал, что трон Египта должен принадлежать ему.

Сет вступил в схватку с Гором и поначалу одержал верх над ним, вырвав у него глаз – чудесное Око (оно будет в других мифах фигурировать как Око Ра). Но Гор не сдался, и в дальнейшей борьбе оторвал у Сета то, что делало его мужчиной. Отобрав Око, Гор дал его проглотить Осирису, тот ожил и передал египетский трон Гору.

Когда Гор скрывался в дельте Нила, ему покровительствовали боги, а едва ли не более других – Тот, бог мудрости, письменности, счета, а также магии. Можно предположить, что Гор получил в юности хорошее образование. Став царем объединенного Египта, Гор (в своем земном воплощении) приобрел небывалую власть. Однако управление страной без организации путей сообщения и связи, а также государственного аппарата было затруднено.

«В связи с этим, – писал Р. Антес, – высшие посты в Египте занимали члены царской семьи. Так было во времена Хеопса, около 2650 г. до н. э., при его преемниках и, несомненно, в предшествующий период. Однако с началом V династии, около 2550 г. до н. э., те же посты занимали уже люди нецарского происхождения. Эта перемена показывает, что положение царя изменилось. Одновременно концепция о Хоре (Горе) как о верховном боге была заменена или, скорее, отодвинута на второй план представлением о том, что верховным богом является солнце, Рэ (Ра), и что царь – просто сын Рэ».

По мнению Антеса, такая перемена была вызвана скорее всего недовольством кликой царских родственников, управлявших страной. Помимо этого в стране происходили значительные перемены в системе хозяйства, управления и укрепления центральной власти. Стали утрачивать смысл архаичные представления о многочисленных богах, относящихся к миру животных и людей, а племенная организация общества, а с ней и племенные боги-покровители, осталась в прошлом. Дополнялись мифы; на прежние предания накладывались новые, отра-

жающие меняющееся мировоззрение. Успехи астрономии раскрыли великое значение Солнца для жизни на Земле.

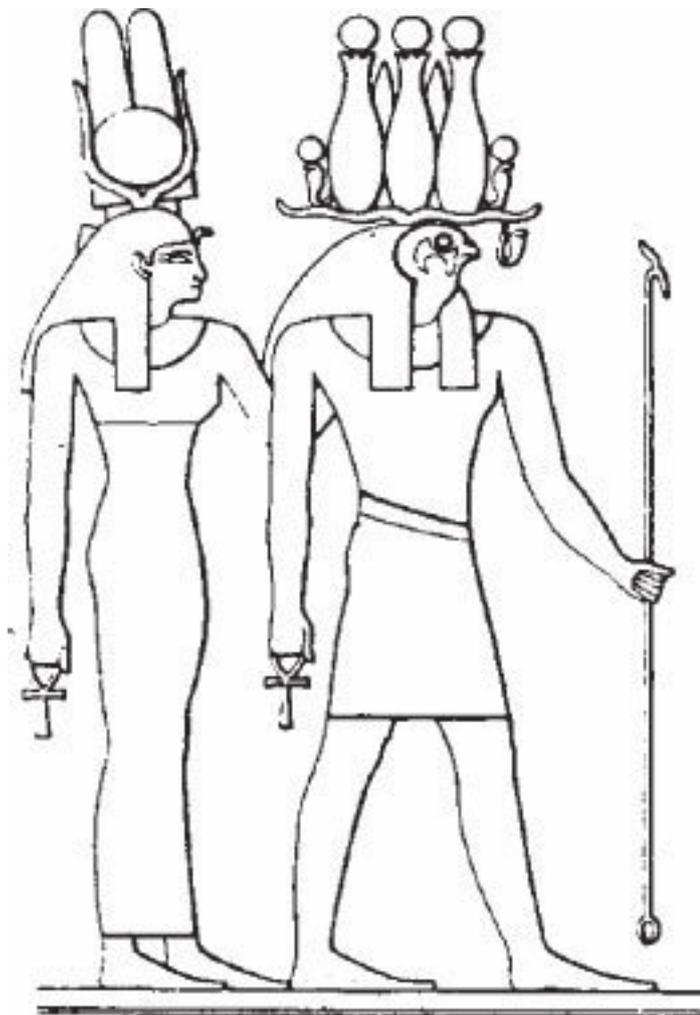
Ра (Рэ)

Египет – солнечная страна. Искусство Древнего Египта проникнуто светом, радостью, красотой. Не удивительно, что в такой стране и у такого народа возник и стал главенствующим культ бога Солнца – Ра.

Далеко не сразу этому богу было определено первенство в небесном пантеоне. С развитием земледелия архаичные доисторические (до появления письменности, государств) культы животных начали меняться. Так, у божественного сокола Гора на голове появился солнечный диск (и не у него одного). Повлияло на мифологию и укрепление единой державы, для которой огромное значение имели не только земледелие, но и передвижение по могучей водной артерии, скрепляющей страну – по Нилу. Не случайно по небесному океану (или небесной реке) Ра перемещался на божественной ладье.

Только для равнодушного взгляда Солнце представляется одним и тем же. Оно постоянно меняется, и это нашло отражение в египетской мифологии. Утреннее Солнце называли Хепри. Это имя – производное от глагола «существовать». По-видимому, появление Солнца воспринималось как залог существования, бытия, жизни. «Зрелое» дневное светило получило имя Ра, а вечернее – Атум. Сам по себе солнечный диск тоже именовался особо: Атон.

Центром культа Ра был город Иуну (по-гречески – Гелиополь, «Солнцеград»). И когда в середине III тысячелетия до н. э. возвысилась V династия Древнего царства, происходившая из Иуну, Ра превратился в общеегипетского Владыку Вселенной.

В Иуну-Солнцеграде была популярна своя версия сотворения мира, согласно которой Хепри восстал из неоглядного Нуна и не увидел поначалу места, куда можно было ступить. И тогда воздвиг он земляной холм Бен-бен. Дабы создать все сущее, Ра оплодотворил самого себя («упало семя в мой собственный рот»). После этого он «изрыгнул» бога воздуха и ветра Шу, а также богиню влаги Тефнут.

Впрочем, такова одна из многих версий сотворения мира, богов и рождения Ра. По одной из них, он появился из яйца, снесенного на первом холме птицей «великий Гоготун». По другой – Ра появился из первозданного цветка лотоса – Нефертума, аромат которого вдохнул жизнь в Ра. Эта идея возникла в середине III тысячелетия до н. э., а позже упростилась, и теперь уже молодое Солнце выходило из цветка лотоса. В наиболее древнем варианте Ра представлен золотым теленком, рожденным Космической Королевой (Нут).

Чтобы понять географический подтекст этих мифов, надо учесть, что несколько тысячелетий назад в дельте Нила преобладали воды, отдельные острова возвышались среди сплошных зарослей лотоса – розового, как восходящее Солнце.

Очень интересна и оригинальна космогоническая версия, по которой Ра появился из огненного острова, который наделил его светоносной силой, позволившей преодолеть мрак и хаос. Тем самым солнечный свет предстал символом порядка, справедливости, истины.

Этот миф удивительно созвучен научным гипотезам XX века, согласно которым синтез органических молекул, определивших появление живых организмов на Земле, происходил в процессе вулканических извержений (вулканические острова с полным основанием можно считать огненными). Еще более обоснована связь солнечной энергии со всеми проявлениями жизни на нашей планете, в биосфере.

Конечно, все это не означает, будто египетские жрецы три-четыре тысячелетия назад разрабатывали «преднаучные» концепции происхождения жизни в результате вулканических извержений. Но показателен сам факт упоминания «огненного острова». Был ли в древности действующий вулкан в дельте Нила? Или перед нами свидетельство о том, что египетские мореходы знали о существовании вулканических островов Средиземного моря? Или в далекой древности имелись прочные культурные связи между островной цивилизацией Крита и египетской?

В данном случае для нас главное – подчеркнуть, какие проблемы возникают при анализе мифов и насколько сложно они переплетаются с историей идей.

Следует еще раз напомнить, что приведенная выше генеалогия богов Великой Девятки во многом условна и отражает одно из мнений. Ведь Ра при случае могли отождествлять с разными богами, а чаще всего – с Гором (в упомянутой генеалогии – праправнуком Ра), что и вовсе кажется странным. По-видимому, египтяне относились к выяснению родовых корней тех или иных богов «легкомысленно», не видя в этом какого-то глубокого смысла. По мнению Р. Антеса, для Ра не было «естественной мифологической почвы» (в наиболее древних преданиях) и его образ пришлось приспособлять к мифу о Горе. При этом возникало множество несоответствий, а то и нелепостей, с которыми приходилось мириться. Юный Нефертум, вдохнувший жизнь в Ра, мог отождествляться с царем Египта, а позже – с младенцем Гором, сыном Исиды.

Алогичность подобных мифов вряд ли объясняется пренебрежением египтян к правилам мышления. Скорее всего, образы богов изменялись в зависимости от тех или иных обстоятельств (например, в связи со сменой правящих династий), от тех главных целей, которые ставили перед собой авторы (или ставили перед авторами заказчики текстов, рисунков). Египтяне сознавали, что речь идет о чем-то до конца непостижимом, о догадках и фантазиях, символах и аллегориях. В таких случаях логика отступает на задний план.

Порой рассказ о деяниях Ра приобретает достаточно формальный характер: «И узнал его величество, жизнь, здоровье, сила... И сказал его величество, жизнь, здоровье, сила, тем, кто были в его свите...» (эпитеты, которых удостоен здесь Ра, обычно ставились после имени фараона в виде пожелания счастья, долголетия). А перед этим сказано: «Был же его величество, жизнь, здоровье, сила, стар; кости его стали серебром, члены его – золотом, волосы – ляпис-лазурью». Вот и выясняется, что «жизнь, здоровье, сила» – стар и слаб (он опасается злых дел со стороны людей).

В этом мифе Ра напоминает богам, что люди созданы из его слез. (Мысль не только оригинальная, но и странная; не следует ли понимать ее так, что печальная участь людей предопределена их «слезным» происхождением?) Как люди могли восстать против верховного бога? Складывается впечатление, что в данном случае бог отождествляется с фараоном, а недовольные им люди – с населением страны.

С другой стороны, высказано мнение, что сюжет о юности и старении Ра повествует о сезонных изменениях в природе. Весной обилие влаги и ласковое Солнце способствуют росту растений. Однако летом оно становится знойным, иссушает посевы и вызывает беспокойство, отчаяние и гнев людей. В мифе в наказание людей их опалает гневное Око Ра в образе его дочери богини Хатол-Сехмет.

Надо заметить, что Око Ра в разных мифах трактуется по-разному, вплоть до того, что у него бывает и два ока: дневное (Солнце) и ночное (Луна). Но в данном случае Око Ра олицетворяет собой, судя по всему, жгучее Солнце. Хотя при этом переставлены монетами причина и следствие: кар и суть объясняются плохим поведением людей, проклиняющих Солнце, тогда как в действительности такие проклятья должны были быть следствием засухи.

Наиболее распространенный космологический миф гласил о ежедневно повторяющемся небесном плавании солнечного Ра на божественной ладье. (Фараоны совершали подобные ритуальные плавания через Нил, как бы повторяя путь Солнца.)

Отстранившись от земных дел, Ра поведал землю во владение Гебу. Ночью, с уходом Ра в подземное царство, замещать его следовало Тоту – богу мудрости, счета и письма. (Возможно, это было связано с тем, что астрономические знания приобретались преимущественно в процессе ночных наблюдений жрецов за звездами.)

Сохраняя установленный порядок в мироздании, Ра выплывает каждое утро на небо в ладье Манджет, восседая на золотом троне. Ярко сверкает на его короне Око, освещая путь по небесному Нилу и своими острыми лучами прогоняя демонов. Завершая путешествие, Ра пересаживается в ночную ладью Месектет и отправляется в подземный мир вечного мрака. Сопровождают Ра боги, помогающие ему справляться с демонами мрака.

В подземном царстве Ра встречают души умерших, распевая в его честь гимны. Ра приветствует их и передает привет от живущих на земле, благодаря жертвоприношениям которых души почивших сохраняют силу и благополучие (очевидный намек жрецов на необходимость приносить жертвы в храмы). Здесь же предстает перед Ра бог урожая Непри, тело которого увито пшеницей (действительно, урожай во многом зависит от состояния почвы, а оно, в свою очередь, – от лучистой солнечной энергии).

Наиболее трудное испытание предстоит Ра при встрече с извечным его врагом – великим змеем Апопом. Желая погубить Ра, Апоп выпивает всю воду подземного Нила. Начинается жестокое сражение, в котором побеждают боги, возглавляемые Ра. Пронзенный копьями, Апоп извергает проглоченную воду и остается в подземелье, тогда как ладья Ра восходит над землей.

Иногда Апоп осмеливается напасть на Ра днем. Ему удается на некоторое время овладеть солнечным диском. Но это длится недолго, и Ра вновь предстает во всем блеске, низвергая Апопа в бездну. Ясно, что тут речь идет о солнечных затмениях. О том, что Солнце порой попадает в пасть небесному дракону и временно пропадает, слагали мифы многие народы планеты. Однако вряд ли просвещенные египтяне принимали всерьез подобные поэтические легенды. Да

и ночное путешествие Ра с опасными приключениями напрямую сопоставляли с действительностью разве что только дети и тёмный люд. Ведь нормальный человек прекрасно знает, что Солнце свершает свой путь с точностью необыкновенной и постоянством, которые не свойственны живым существам. Тем более что египетские жрецы научились предсказывать солнечные затмения.

Культ Ра, сопряженный с культом фараона, имел серьезное идеологическое значение, способствовал укреплению государственной власти. Существовали мифы, «объясняющие» (фантастическим образом) особенности календаря. Астрономические знания были привилегией жреческого сословия и держались в тайне от непосвященных. Конкретные астрономические сведения накапливались постепенно в результате длительных наблюдений и математических расчетов. Позже их стали сопровождать магическими обрядами. Жрецы стали выступать как хранители сокровенных тайн, от которых зависели судьбы людей. Соединение астрономии с магией привело к возникновению астрологии – мнимого искусства определять судьбы людей по звездам.

С богом Ра в истории Египта происходили существенные изменения. Когда держава была единой и мощной, его культ (в лице фараона) достигал апогея; тогда это был действительно повелитель богов, о чем повествовали мифы. Но в периоды распада единого государства образ Ра тоже дробился. Каждый местный владыка претендовал на этот образ и связывал его с каким-либо местным богом-покровителем.

Когда в эпоху Среднего царства Фараоны XII династии (около 1990–1780 гг. до н. э.) обосновались в Фаюме, солнечный бог превратился в Себек-Ра. Метаморфоза достаточно странная, если учесть, что Себек – крокодил, обожествляемый в Фаюме, но обычно выступающий в сонме демонов, врагов Ра. Еще более странно, что в то же время существовал и божественный Амон-Ра, представленный в виде Солнца и являвшийся покровителем южноегипетского города Фивы, откуда происходил царский род.

Как мы знаем, к подобным несуразцам египтяне относились философски, не придавая им большого значения. Но так было в периоды стабильности. В периоды разброда и междоусобиц, когда многие местные царьки становились воплощением Ра, образ этого бога и вовсе дробился и терял всякие связи с традиционной мифологией. Ситуация усугублялась в результате вторжений чуждых народов с их богами, которые в случае победы обретали порой большую популярность.

Так произошло в переходный период 1640–1550 г. до н. э. Воспользовавшись междоусобицами местных владык, Египет захватили гиксосы, обитатели Палестины. Вновь возродился великий Египет после их изгнания. И не случайно вскоре произошла одна из величайших религиозно-философских революций в истории человечества. После того как усилиями Тутмоса III, славной женщины-фараона Хатшепсут, Египет обрел независимость, единство и господство над соседними странами, культ многообразных, многоликих Ра, соединенных вдобавок с Амоном, вносил идеологический разброд в общество и смятение в умы людей. Назрела настоятельная необходимость упорядочить представления о боге Солнца.

Атон

С этим именем, олицетворяющим солнечный диск, связана первая великая религиозная революция, о которой мы упоминали в предыдущей статье о боге Ра.

Около 1375 г. до н. э. фараон Аменхотеп IV провозгласил Атона наивысшим и единственным богом. Все другие божества были запрещены, храмы, посвященные им, разрушены, а жрецы оставлены не у дел. По велению фараона священное имя Амона было стерто отовсюду, даже с глиняных табличек.

Почему был возвышен один-единственный бог вопреки многовековой традиции? Как такая мысль могла прийти в голову фараона? Почему после этого египтяне не восстали от мала до велика, не защитили своих небесных покровителей?

Принято считать, что, вводя единобожие, Аменхотеп IV старался добиться полнейшего единовластия фараона, освободиться от влияния на государственные дела авторитетных жрецов Амона-Ра. Как предположил английский египтолог Д. Раффл, фараон стремился «объединить нацию и стабилизировать обстановку».

Однако и без того фараон считался наместником бога Солнца на земле, а запрещение культа сразу всех богов, включая их «небесного фараона» Амона-Ра, безусловно, осложняло ситуацию внутри страны и расшатывало общественные устои.

Есть ли принципиальная разница между Амоном-Ра и Атоном-Ра? Ведь и тот и другой являются символами Солнца. Отличие между ними в том, что Атон не имеет человеческого облика. Это – реальный солнечный диск, материальное солнечное тело, излучающее свет и тепло – источник жизненной энергии, а не мифический «дух Солнца», к тому же очеловеченный.

О сущности Атона превосходно сказано в гимне, посвященном ему (имеется несколько вариантов перевода; здесь приведен перевод В. Потаповой):

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, жизнетворен!
На небосклоне восточном блистая,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко.
Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель,
Ты их отдаешь во владенье любимому сыну.
Ты – вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближенье скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон
Кромешною тьмою, как смертью, объята земля.
Очи не видят очей.
В опочивальнях спят, с головою закутавшись, люди.
Из-под их изголовья добро укради – и того не заметят.
Рыщут голодные львы.
Ядовитые ползают змеи.
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель ее покоится за горизонтом.
Только с Заходом твоим вновь расцветает она.
Подобно Атону, сияешь на небосклоне,
Мрак разгоняя лучами.
Празднуют Верхний и Нижний Египет
Свое пробужденье.
На ноги поднял ты обе страны.
Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.
Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбищам рады стада.
Зеленеют деревья и травы.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахом крыла явленье твое прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные.
Оживают пернатые с каждым восходом твоим.
Корабельщики правят на север, плывут и на юг.
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денницы.
Перед лицом твоим рыба играет в реке.
Пронизал ты лучами пучину морскую.

Продолжим цитировать отрывки в переводе (с английского подстрочника) М. Э. Матъе:

Птенец в яйце говорит еще в скорлупе,
Ты даешь ему воздух внутри ее, чтобы ожить.
...
О бог единый,
Нет другого, подобного ему!
Ты создал землю по своему желанию, ты один, —
Людей, всякий крупный и мелкий скот,
Все, что ходит по земле ногами,
Все, что в вышине летает на своих крыльях...
Ты творишь миллионы образов из одного себя,
Города, селения, поля, дорогу и поток...
Ты в сердце моем,
Нет другого, познавшего тебя...

Автором этого прекрасного гимна считают самого Аменхотепа IV, принявшего имя Эхнатон («Угодный Атону»). Хотя возможно, что гимн сочинили по его указанию, авторство Эхнатона представляется более вероятным. Недаром сказано: «Ты в сердце моем, / Нет другого, познавшего тебя».

Гимн вполне реалистичен, даже с элементами натурализма. Он заставляет вспомнить поэму о природе Лукреция Кара и научно-философские стихотворения М. В. Ломоносова. В отличие от мифов, здесь отсутствуют мистика, фантастические образы. С научной точки зрения значение Солнца для земной жизни здесь представлено вполне корректно. В природе не признаются никакие особые духовные сущности. Такое мировоззрение приближается к атеистическому.

Произошел религиозно-философский переворот, потрясший основы духовной культуры. Это было ошеломляющее деяние. Недаром многие египтяне сочли Эхнатона безумцем.

И все-таки, как верно отметила М. Э. Матъе: «Гимны Атона, которые часто считаются совершенно особым, новым явлением в египетской религиозной литературе, в действительности отнюдь не были таковыми». Некоторые литературные обороты в приведенном выше гимне почти дословно совпадают с выдержками из более раннего гимна Осирису, а также «Большого гимна Амону-Ра».

Еще предшественники Эхнатона начали проводить политику, ослабляющую духовную власть жрецов Амона-Ра. Аменхотеп III по разным поводам упоминал Атона, называя его именем свой дворец, воинские подразделения, царские лады. Но в то же время величайшим богом называли и Амона, и Гора, и Осириса, и Хепри, и Ра, не говоря уже о множестве местных богов-покровителей. Подобная разногласия заставляла усомниться в самом существовании богов.

Каким бы разным не представлялось Солнце земному наблюдателю, оно остается единым и, конечно, ничем не напоминающим человека. Утверждая эту очевидную истину, Эхнатон невольно сближал свой «атонизм» с атеизмом, отрицанием всех богов как мистических сущностей, и материализмом. Однако если даже он в глубине души склонялся к таким воззрениям, выразить их явно было бы настоящим безумием, подрывом единовластия фараона как наместника, или, вернее, земное воплощение Всевышнего. Такой поступок был бы равносителен самоубийству.

Эхнатон – одна из наиболее загадочных фигур мировой истории – явился первым основателем религии нового типа, исповедующей единобожие, признающей одну высшую духовную субстанцию.

Самое удивительное, что общество (не считая чрезмерно разросшейся касты жрецов) без особых потрясений приняло нововведения Эхнатона. Более того, последовал расцвет культуры. Вот что писала об этом видный советский египтолог Матье:

«Успех проводившихся мероприятий, быстрое создание новой столицы, сложение нового религиозно-философского учения и оформление нового культа, наконец, яркий расцвет нового стиля в искусстве нельзя объяснить только личными действиями Эхнатона и раболепным следованием ему принявших его учение царедворцев. Все это не могло бы произойти в столь короткий срок, если бы для нового идеологического течения не было и соответствующей питавшей эти идеи среды».

Эхнатон приблизил к себе незнатных простых свободных граждан – немху. Например, одним из высокопоставленных царедворцев стал Май, написавший о себе: «Я расскажу всем о благах, которые сотворил мне владыка, и вы скажете – о, как велико сотворенное этому немху! Я – немху по отцу и матери, и создал меня царь... когда я не обладал имуществом... И когда я стал господином поселения, он причислил меня к вельможам... хотя я и был на последнем месте... (раньше) я просил хлеба».

Интересное соответствие идеологическим переменам продемонстрировало искусство, чему свидетельство – реалистические изображения Эхнатона, его супруги Нефертити и двух дочерей; при этом показаны непропорциональные и даже несколько уродливые черты лица фараона (а красота Нефертити, по-видимому, вдохновляла художников и скульпторов). При Эхнатоне были созданы замечательные картины, изображающие реалистические сцены из жизни, пейзажи, проникнутые светлым чувством.

...Головокружительное возвышение Атона длилось сравнительно недолго. Силы, которые противодействовали новшествам, были слишком велики. Вообще, крупный общественный организм обладает огромной инертностью, а духовные традиции, какими бы нелепыми они ни были, никогда не исчезают бесследно. Воздвигнув в кратчайшие сроки новую столицу державы, посвященную Атону – Ахетатон, – фараон остался в этом городе в относительной изоляции. Начались волнения в подвластных Египту азиатских странах. Ослабление власти фараона его враги стали объяснять ложностью бога Атона и гневом истинных прежних богов, возглавляемых Амоном-Ра.

Еще раз подчеркнем: Эхнатон обожествил Ра не в образе человеческого, а в виде реального солнечного диска Атона, отменив всех других богов. Такой монотеизм имел материалистические черты и даже, можно сказать, научную основу (с позиций учения В. И. Вернадского о биосфере). В этом смысле культ Атона можно считать научной религией.

Осирис (Усир)

Осирис – бог жизненных сил природы и плодородия, владыка подземного мира.

О том, каким уважением и поклонением пользовался Осирис (по-египетски – Усир), можно судить по гимну, начертанному на стеле, датируемой приблизительно XV в. до н. э. (так как на ней уничтожено имя Амона – а это делалось по указанию Эхнатона). Вот что сказано об Осирисе:

Цветут растения по воле его,
И родит ему поле пищу...
Сотворил он эту землю дланью своей, и воду ее и воздух ее,
И растения ее, и весь скот ее,
И все, что летает, и все, что порхает,
Пресмыкающихся ее и зверей пустыни...
Различивший образы людей, творец их жизни,
Разделивший по цветам одного от другого.
Владыка знания, в его устах мудрость.
Приходит Нил по его благодати,
Владыка сладости, великий любовью,
Он приходит – и живут люди...
Благо людям, когда ты сияешь,
Стихают звери, когда ты блистаешь...
Образ единый, создавший все сущее,
Единый, создавший существующее...
Египет и Народы Моря,
Все, что обходит Атон, – под властью его [Осириса]
... Утверждена истина для ее владыки...

Как видим, египтяне не скупилась на славословия в адрес Осириса, наделяя его едва ли не верховной властью. Правда, упоминается и Атон-Ра, но ему предопределено место в небесах. Недаром в одном из мифов сказано, что Ра, состарившись и утомившись, отделился от земных дел.

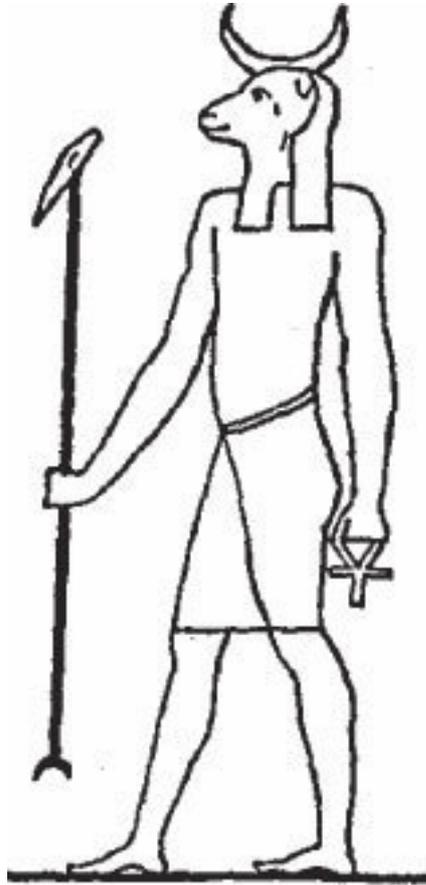
Осирис, первенец бога земли Геба и богини небес Нут, в мифологические времена, как считалось, унаследовал власть на земле от своего отца (естественно, центром земли и его владений был Египет). Осирис научил людей хорошим нравам и обычаям, отучив от людоедства. От него люди узнали, как выращивать злаки и виноград, выпекать хлеб, изготавливать пиво и вино, строить города, лечить, почитать богов, а также добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Возможно, это свидетельствует о том, что первые мифы об Осирисе как культурном герое (вспомним образ Прометея) зародились еще в медном веке.

Надо заметить, что в мифах об Осирисе причудливо переплелись два образа: фараона, порой весьма реалистично описанного, и бога. То же можно сказать и о его сестре и жене Исида.

История Осириса – одна из наиболее популярных в египетской мифологии, а затем и в европейской литературе. До нас она дошла не полностью. Тексты пирамид содержат лишь отдельные фрагменты. Первым обобщил их греческий писатель и историк Плутарх без малого два тысячелетия назад. В его изложении это уже цельное литературное сочинение, порой существенно отличающееся от первоначальных египетских мифов.

Согласно Текстам пирамид, царя Осириса убил его брат Сет. Сестры Осириса Исида и Нефтис после трудных поисков нашли тело брата и оплакали его. Волшебница Исида воскре-

сила на некоторое время Осириса и зачала от него ребенка. Родив Гора, она тайно вскормила и воспитала его. Еще в детстве Гор победил змею. Возмужав, он совершил путешествие к телу отца. Затем в Гелиополе состоялся суд во главе с Гебом, богом земли, по обвинению Сета в убийстве. Сет отрицал свою вину, не признавая Гора наследником Осириса. Исида свидетельствовала в пользу сына, и Гор был провозглашен царем, а Сет низложен.

Эта сюжетная канва осложнена другой историей, согласно которой царская власть досталась Гору не по суду, а после поединка. Сет похитил Око Гора (символизирующее царскую власть). Вступив в схватку с Сетом, Гор отобрал у него Око и вернул Осирису, чтобы оживить его.

Были и дополнительные детали. Тело Осириса, по одной версии, было расчленено (отзвук древнейшего погребального обычая), по другой – утоплено (связь с плодоносными наводнениями Нила). Во время поединка Сет вырывает у Гора Око, а тот противнику – тестикулы. Наконец, есть вариант мифа, где действуют приспешники Сета и сыновья Гора.

Связный рассказ об Осирисе, Исиде, Сете и Горе можно изложить так.

Родился у Геба и Нут первенец на радость им и владыке Вселенной Ра, который возвестил о появлении могучего бога, владыки земли, творящего добро. Следующим ребенком был Сет, сильный и выносливый, а за ним – две сестры: Исида и Нефтида.

Став царем, Осирис вывел людей из дикости, обучив земледелию и ремеслам. Женой его стала Исида, владевшая магией. Люди прославляли своего мудрого и доброго царя. Однако был у него злобный завистник – Сет, мечтавший завладеть тронem.

В то время как Осирис выступил походом в Азию, Сет приказал сделать роскошно украшенный ящик (саркофаг?). Когда, одержав победу, Осирис вернулся домой и устроил пир, туда явился Сет со своими сторонниками, принеся этот причудливо украшенный ящик. Сет

объявил, что подарок достанется тому, кому он придется впору (а саркофаг был специально построен по мерке Осириса).

Когда ничего не подозревавший Осирис лег в ящик, Сет со своими приспешниками быстро захлопнули крышку, заколов ее. Ящик бросили в воды Нила. Однако течением его в море не вынесло: куст вереска задержал у берега, обхватив ветвями. Благодаря чародейству, Исида сумела отыскать саркофаг с телом мужа, извлекла посредством магии жизненную силу из тела Осириса и таким образом зачала от него.

Исида спрятала тело Осириса в потаенном месте в дельте Нила. Однако там его обнаружил охотившийся Сет. Он разрубил тело брата на 14 частей и разбросал их по разным частям Египта. (Предполагается, что таким образом жрецы объясняли существование гробниц с телом Осириса в 14 номах страны.) Исида смогла собрать все части воедино и похоронить Осириса в Абидосе. В некоторых мифах погребальная церемония осуществлялась Анубисом.

После того как в поединке Гор отобрал у Сета Око и вернул его Осирису, последний воскрес. Он стал владыкой подземного царства, богом-хранителем умерших и их судьей, взвешивающим на весах количество добра и зла, совершенных человеком при жизни. В результате решалось, попадет ли душа на благодатные райские поля.

В связи со смертью и воскрешением Осириса в Египте происходили торжественные церемонии. Существовал погребальный обряд, в процессе которого символом возрождения умершего в царстве мертвых служили зерна, посаженные во влажную землю, заполняющую глиняную форму. Появление всходов отождествлялось с возрождением под покровительством Осириса. Празднование воскрешения Осириса происходило в последний месяц сезона разлива Нила, когда вода начинала спадать. Правда, по мнению Р. Антеса, «тождество этого Осириса – бога растительности, который умер и воскрес, с Осирисом – мифологическим персонажем было, по-видимому, только случайным». Но скорее всего, сама по себе смерть великого бога, обладающего чертами фараона, должна была вызывать вполне естественное недоумение. Почему бы тогда и другим богам не умереть, хотя бы от старости? С другой стороны, обожествляемый фараон рано или поздно умирал – и это было очевидным фактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.